

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.8 + 343.819.5

С.В. Аристов

АДМИНИСТРАЦИЯ И ОХРАННЫЙ ПЕРСОНАЛ НАЦИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ: ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Данная статья выполнена при поддержке Гранта Президента РФ для молодых ученых МК – 928.2017.6.

На основе широкого круга источников из отечественных и зарубежных архивов проанализирована деятельность управленческого и охранного персонала двух нацистских концентрационных лагерей на оккупированной территории Украины – Яновского лагеря во Львове и Сырецкого в Киеве. Охарактеризованы преступная деятельность, состав комендантов и коллаборационистских подразделений, охранявших концлагеря, а также представлен социальный портрет лагерных функционеров и психологическая мотивация их преступлений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; нацизм; оккупация; Яновский концлагерь; Сырецкий концлагерь; коллаборационизм.

Изучение деятельности администрации и охранных подразделений нацистских концентрационных лагерей является одной из важнейших составляющих анализа функционирования нацистской концлагерной системы. Несмотря на то что данному вопросу был посвящен ряд исследований, в первую очередь зарубежных ученых, различные аспекты проблемы до сих пор остаются слабо изучены [1–3]. К числу подобных, неисследованных в должной мере вопросов относится анализ состава и деятельности функционеров концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза, в частности лагерей, располагавшихся в занятых районах Украины – Яновском концлагере во Львове и Сырецком в Киеве.

Яновский лагерь был создан нацистами в ноябре 1941 г. и фактически стал первым концентрационным лагерем на оккупированных советских территориях, выполняя функции эксплуатации и уничтожения заключенных. За три года функционирования в нем погибло не менее 35–50 тыс. человек, тогда как Чрезвычайная государственная комиссия оценивала это число в 200 тыс. человек, относя к ним всех жертв нацистских преступлений в районе концлагеря и близлежащих мест расстрелов, например в Лисиничском лесу [4. С. 338; 5. С. 191; 6. Р. 255; 7. Р. 5538].

Сырецкий концентрационный лагерь в Киеве начал создаваться оккупационными властями в мае 1942 г. в непосредственной близости от Бабьего Яра, на территории бывших казарм воинского гарнизона. Максимальная площадь лагеря составляла примерно 3 км². Лагерная территория была обнесена высоким проволочным забором, находившимся под напряжением, по периметру располагались наблюдательные вышки. В самом концентрационном лагере, в центре большой так называемой рабочей зоны размещалась огороженная колючей проволокой «жилая зона», разделенная на мужское и женское отделения.

По данным Чрезвычайной государственной комиссии, на территории Сырецкого концлагеря было обнаружено 650 трупов заключенных, при этом часть захо-

ронений так и не была вскрыта. По мнению немецкого исследователя Корда Пагенштехера, в Сырецком лагере могло погибнуть как минимум 5 тыс. человек [8. С. 92]. Однако точное число, с учетом тех, кто был отправлен на расстрел в Бабий Яр, вряд ли когда-то будет установлено, в связи с отсутствием документов, тщательно уничтожавшихся нацистами при отступлении.

Главной фигурой в администрации концентрационных лагерей являлся комендант. Он назначался личным распоряжением Гиммлера по представлению начальника Инспекции концентрационных лагерей. В служебной инструкции для лагерного персонала отмечалось, что «комендант должен осведомляться обо всех происходивших в лагере процессах и упорядочивать работу персонала» [9. Л. 13]. Следуя предписанию, во все лагерные отделы ежедневно поступали его письменные распоряжения, касавшиеся вопросов их функционирования и поддержания казарменного порядка. Наиболее важные приказы, в первую очередь о массовых убийствах, за исполнение которых комендант нес персональную ответственность перед руководством Инспекции, он озвучивал устно, назначая непосредственных исполнителей операции.

Комендант имел право инициировать наказание эсэсовцев, переводить их в другой концентрационный лагерь, повышать или понижать в должности. Подобные возможности позволяли коменданту поддерживать дисциплину в рядах подчиненных. Комендант был единственной инстанцией в лагере, кто мог санкционировать различные виды наказаний узников, вплоть до смертной казни, требовались лишь формальный запрос в Инспекцию концентрационных лагерей и ее разрешение. В реальности, отказов Инспекции комендантам не было. Более того, подобные запросы вполне могли осуществляться, когда казнь или экзекуция узника уже состоялась.

Хотя совершавшиеся в лагере преступления координировались и направлялись, в первую очередь, его комендантами, фактическим создателем Яновского концлагеря, который принимал в его управлении ак-

тивное участие, был хауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр, отнюдь не комендант, а руководитель филиала нацистского концерна «ДАВ» (от нем. DAW – Deutsche Ausrüstungswerke GmbH) во Львове с июля 1941 г. по май 1944 г. О Фрице Гебауэре известно, что он родился в 1906 г. в Бреслау (Германия). Окончил начальную школу и ремесленное училище, получив профессию механика. В 1931 г. вступил в ряды НСДАП и СС [10].

Первым официальным комендантом концлагеря во Львове стал Густав Вильхауз. Он родился в 1910 г. в Форбахе, где закончил начальную школу и строительное училище. В 1932 г. вступил в нацистскую партию и СС. В ноябре 1941 г. получил звание унтерштурмфюрера СС, а весной 1942 г. был командирован во Львов, где стал комендантом, выполняя свои обязанности в течение года – с июня 1942 г. по июль 1943 г. [11].

На этом посту Вильхауза сменил хауптштурмфюрер Фридрих Варцок, ставший последним комендантом Яновского концлагеря (с июля по ноябрь 1943 г.). Варцок родился в 1903 г. в местечке Рогова в Польше и происходил из семьи рабочих. Он окончил начальную школу, а затем учился на строителя. С 1922 по 1927 г. являлся участником одного из националистических формирований, распространенных в Германии после Первой мировой войны. В 1931 г. Варцок вступил в НСДАП и СС, а с 1941 г. возглавлял лагерь принудительного труда в Ласки-Велкие и аналогичный лагерь в округе Злошов в Польше. Одновременно входил в штаб начальника полиции и СС в дистрикте «Галиция» Фрица Катцмана в качестве референта по «еврейскому вопросу» [12].

Среди других управленцев Яновского концлагеря в документах и воспоминаниях бывших узников назывались заместитель коменданта (июль–декабрь 1942 г.) унтерштурмфюрер СС Рихард Рокита и Адольф Колонко – руководитель охраны (январь–июль 1942 г.), отдела труда (июль 1942 г. – март 1943 г.), комендант филиала Гродек-Ягелонски (март–июль 1943 г.) [5. S. 434–435].

Что же касается деятельности комендантов концлагеря, то имеется значительное количество свидетельств, подтверждающих преступления. Фриц Гебауэр, по воспоминаниям выживших заключенных, собственноручно забивал людей до смерти [13. Л. 53 об.]. Густав Вильхауз расстреливал узников, находившихся на территории лагеря, из окна своей канцелярии. Особенно часто жертвами становились заключенные, стоявшие в очереди на получение пайка у лагерьной столовой. Трупы убитых, число которых иногда достигало двухсот человек, не убирали по нескольку дней, и они скапливались в помойной яме рядом с кухней [14. Р. 2]. В 1942 г. к 54-летию Гитлера Вильхауз лично расстрелял 54 узника [15. Л. 142 об.; 16. Р. 4]. По свидетельствам бывших заключенных, нередко в стрельбе участвовала и его жена – Оттилия [17. Л. 573], зачастую на глазах их маленькой дочери, которая, не понимая, что происходит, радостно приветствовала происходившее [18. Л. 39]. Сменивший Вильхауза Фридрих Варцок, как сообщали свидетели, подвешивал заключенных вниз головой, а затем расстреливал их [15. Л. 23 об.].

Комендантом Сырецкого концентрационного лагеря являлся штурмбанфюрер СС Пауль Радомский (родился в 1902 г. в Меве, Восточная Пруссия) [19. S. 74]. Член НСДАП с 1928 г., он даже в нацистских кругах имел репутацию алкоголика и садиста, за которым среди эсэсовцев закрепилось прозвище «бешеный пес» [20. Р. 10]. Один из бывших узников охарактеризовал его как человека, имевшего «вид всегда пьяного кокаиниста» [21. Л. 88]. Радомский лично участвовал в убийствах и избиении заключенных [22. Л. 29].

По свидетельствам бывших заключенных, его непосредственным заместителем был некто Ридер, по прозвищу «Рыжий», а переводчиком – Иван Рейн [23. Л. 149]. Отдел гестапо в лагере возглавлял унтерштурмфюрер СС, бывший офицер тайной полиции в Заксенхаузене Хельмут Даннел, который наполнил лагерь сетью своих агентов [20. Р. 4].

Охранный персонал Яновского концлагеря на протяжении его функционирования был представлен несколькими подразделениями. Первые бараки, давшие начало лагерю, на протяжении ряда месяцев охранялись немецкими солдатами дивизии «Дирлевангер» [24. S. 21; 25. S. 251–263]. Сформированная в 1940 г., она в течение нескольких лет состояла преимущественно из браконьеров. Лишь с июля 1942 г. в нее были впервые рекрутированы узники концлагерей. Массовый же набор заключенных начался только летом 1943 г. Сборным пунктом стал концлагерь Заксенхаузен, куда первое время нацисты отправляли добровольцев из категорий «профессиональных преступников» и «асоциальных». Тадеуш Боровский – бывший узник Аушвица – вспоминал, как заключенные, отобранные для дивизии «Дирлевангера» из убийц и преступников, причинявших немало страданий заключенным в лагере, учились ходить строем, разучивали патриотические песни [26. Р. 161]. В конце 1944 г. к группам заключенных, из которых можно было производить набор в дивизию, к «криминальным» и «асоциальным» добавились «политические». По распоряжению Гиммлера во всех основных концентрационных лагерях было отобрано 1 910 узников из бывших политических оппонентов, которые, «по мнению комендантов лагерей, внутренне переродились и желают доказать это посредством участия в борьбе великогерманского рейха» [25. S. 257]. В реальности же подобные призывы к добровольному участию проявились в принудительной отправке заключенных в дивизию.

С весны 1942 г., после появления на посту коменданта Густава Вильхауза, Яновский концлагерь охранялся «травниками», которых администрация, а вслед за ней и узники, называли «аскары» по аналогии с названием полиции в немецких колониях в Африке [27]. Во Львов «травники» попадали либо сразу после обучения в одноименном тренировочном лагере [28. Р. 19], либо после охраны Майданека [29. Р. 21]. Отслужив в Яновском концлагере, «травники» зачастую направлялись в польские лагеря, однако были и другие варианты. Например, весной 1944 г., в последние дни существования львовского концлагеря, группа из 16 вахманов совместно с немецким составом

охраны и руководством были направлены на охрану Бухенвальда [30. Р. 74].

Общее количество охранников из числа «травников», одномоментно находившихся в лагере, было около 100 человек. При этом число немецкого персонала – офицеров и рядовых солдат полицейских батальонов – составляло не более 30 человек [31. Р. 152]. Нередко «травники» совершали побеги из лагеря и тогда их состав полностью заменялся.

Как и остальные коллаборационистские отряды, «травники» не только охраняли Яновский концлагерь, но и конвоировали узников на работу, участвовали в транспортировке заключенных к местам уничтожения как поблизости от лагеря, так и в центры уничтожения (Бельжец и Трешлинку) и принимали непосредственное участие в массовых казнях.

Охранный корпус Яновского концлагеря имел свою иерархию, которая полностью дублировала иерархию, существовавшую в лагере Травники: вахман (рядовой охранник), обервахман, группенвахман (командир отделения охранников) и цугвахман (командир взвода охранников). В сохранившихся трофейных документах о переводе «травников» в Яновский лагерь из Люблина отмечалось, что звание цугвахмана было лишь у Сергея Малова [32. Р. 149]. По свидетельствам «травников», Малов прибыл в Яновский лагерь на смену некоего Пескова, который был убит партизанами весной 1943 г. Вместе со своим подразделением он принимал участие в убийствах евреев вплоть до осени 1943 г., когда по невыясненным причинам покончил жизнь самоубийством. По всей вероятности, эта бригада «травников» прибыла специально для проведения расстрелов. Вполне возможно, что в нее были отобраны проверенные, наиболее «отличившиеся» ранее на службе вахманы, которые бесспорно были готовы убивать.

Руководители охранного корпуса «травников» размещались в отдельном бараке, имели право свободного выхода в город. Рядовые вахманы располагались в бараке на территории концлагеря, дополнительно огороженном колючей проволокой. Перед вступлением в наряд вахманы проходили инструктаж, который проводил С. Малов. Тогда же выдавались оружие и боеприпасы [33. Р. 40].

Помимо «травников» в свидетельствах коллаборационистов упоминаются охранники-немцы и «фольксдойчи», которых было незначительное количество [34. Р. 197]. По свидетельствам самих «травников», узников группами по 100 человек сопровождали на расстрел 2–3 немецких охранника и 6–7 вахманов-коллаборационистов [33. Р. 41].

Одним из масштабных убийств, в котором принимали участие коллаборационисты Яновского концлагеря, стала осенью 1943 г. акция «праздник урожая» – последняя стадия «операции Рейнгардт» по уничтожению евреев в Генерал-губернаторстве, которая стала еще и реакцией нацистов на восстания узников в центрах уничтожения. В течение 3–4 ноября 1943 г. только в Майданеке было расстреляно 18 тыс. евреев. Расстрелы евреев в ходе этой акции также были осуществлены и в других лагерях района Люблин – Травниках, Понятове. В Яновском лагере во Львове массовые расстрелы начались 25 октября, когда были

убиты практически все узники – участники рабочих бригад. 19–20 ноября 1943 г. в лагере было уничтожено еще около 5 тыс. евреев [24. С. 29].

О деятельности 23-го батальона СД, охранявшего Сырецкий концлагерь, известно немного. Он был создан в 1942 г. в Киеве и возглавил его хауптштурмфюрер Виллибальд Регитчинг. Батальон состоял из 400–500 человек, половина из которых была немцами, а вторая половина – украинцами [35. С. 6]. Основной целью батальона была борьба с партизанами. В период своей дислокации в столице Украины коллаборационисты несли охрану Сырецкого концентрационного лагеря. Функции, которые они выполняли, ничем не отличались от коллаборационистских подразделений, действовавших в Яновском концлагере – они охраняли здания СД в Киеве (на улице Мельника, 48), конвоировали узников, охраняли периметр концлагеря и участвовали в расстрелах, происходивших в Бабьем Яру [36]. Осенью 1943 г. одна из рот 23-го батальона СД располагалась в минском концлагере Малый Трешенец.

Вахманы 23-го батальона принимали участие в расстрелах узников на протяжении всего периода функционирования Сырецкого концлагеря [22. Л. 27–28]. Однако особенно значительна их роль была в последние месяцы оккупации Киева, которые характеризовались очередным витком эскалации террора. Приближение линии фронта вело к зачистке всех, с точки зрения нацистов, подозрительных элементов, способных в критический момент оказать поддержку наступающим советским войскам. Кроме того, интенсификация депортации трудоспособного населения Киева в рейх, когда начиная с весны 1943 г. в Германию должны были вывозиться до 6 тыс. рабочих ежедневно [37. Р. 470], привела к резкому увеличению числа уклонявшихся, также становившихся мишенью для репрессий. Местное население, по заявлениям нацистских руководителей, должно было работать на рейх или погибнуть [38]. В результате в эти последние перед отступлением нацистов из Киева месяцы в Бабьем Яру было уничтожено еще как минимум 10–20 тыс. человек.

Что же можно сказать о социальной и психологической характеристике административного и охранного персонала нацистских концлагерей на оккупированной Украине? В чем заключались особенности моделей их поведения и мотивации?

Относительно социального портрета комендантов и охранников Яновского и Сырецкого концлагерей можно отметить, что он в целом соответствовал аналогичным характеристикам функционеров других концлагерей на оккупированной территории Советского Союза. Гебауэр, Вилльхауз, Варцок, Радомский представляли собой убежденных нацистов средних лет, с невысоким уровнем образования, ориентированных на беспрекословное исполнение приказов вышестоящего руководства.

Абсолютное большинство охранников по возрастному составу и социальному происхождению были схожи с комендантами. Это были мужчины 30–40 лет, выходцы из рабочих и крестьянских семей. В их среде не шла речь о бывших уголовных элементах. Среди

проанализированных автором следственных дел не было ни одного, в котором бы отмечалось, что обвиняемый имел в прошлом судимость. Предельным уровнем образования вахманов являлось неоконченное профессиональное. Только несколько человек были комсомольцами или членами ВЛКСМ, абсолютное большинство было беспартийными.

Что же касается психологической мотивации поведения комендантов и коллаборационистов, то здесь также имеются некоторые сходства. Среди всех руководителей концлагерей на оккупированной территории Советского Союза можно выделить несколько основных типов поведения, которые полностью соответствовали моделям поведения лагерных комендантов в Третьем рейхе [39. С. 79–81]. Первый тип – «идейные бюрократы», не только стремившиеся к неукоснительному исполнению приказов начальства, но и предвосхищавшие его решения своими действиями. Второй тип – «меркантильные чиновники», осуществлявшие волю руководства и при этом не забывавшие о личном интересе. Они не стремились предлагать собственные идеи, зато пользовались моментом, чтобы получить максимум выгоды от своего положения. Наконец, третьи – «садисты», получавшие удовольствие от насилия и стремившиеся применять его даже тогда, когда оно не было ничем мотивировано и никем из руководства не направлялось. Эти три типа сложно выделить в ком-то из комендантов «в чистом виде»; в большинстве случаев они смешивались и доминировали в разные периоды их деятельности.

Не были исключением и коменданты украинских концлагерей. В их среде преобладали представители второй группы – функционеры, которым был отдан приказ по выполнению определенной работы и которые старались ее выполнить, не задумываясь об этических проблемах [40. С. 245]. Разрешение на преступления, полученное от вышестоящего руководства, позволяло им чувствовать свою безнаказанность либо представлять себя абсолютно невиновным. Единственное, о чем они беспокоились, – это о своем личном благополучии, стараясь получить максимальную выгоду от занимаемой должности и рассматривая свои назначения в лагерной иерархии как продвижение по службе.

Психологические мотивы поведения охранников-коллаборационистов, если речь шла о бывших военнопленных, изначально основывались на желании выжить в условиях пленения. Однако в дальнейшем они начинали использовать свое положение с целью продвижения по карьерной лестнице в нацистской

иерархии или как минимум улучшения своего существования за счет других. Более того, впервые в жизни получив в свои руки власть, фактически имея санкцию на неограниченный террор, они пользовались ей, не задумываясь о последствиях. Даже в тех случаях, когда руководство не требовало применения насилия в отношении заключенных, коллаборационисты проявляли собственную инициативу. Тем более, что преступление, совершенное в составе группы, превращало индивидуальную ответственность в коллективную [1. С. 51].

Если же у кого-либо из коллаборационистов возникали проблемы с исполнением наиболее тяжелых с психологической точки зрения приказов, например с участием в многодневных массовых расстрелах, использовался алкоголь. Ни в одном из уголовных дел не содержится ни одного факта отказа вахмана от выполнения распоряжений нацистов. Лишь один из руководителей роты «травников» покончил жизнь самоубийством после проведения масштабной акции по уничтожению евреев. Однако доподлинно неизвестно, что стало причиной подобного решения. Только приближение советских войск и боязнь скорой расплаты за свои преступления заставляли преступников бежать, на этот раз от немцев, и скрываться от советского правосудия, в том числе и под чужими именами.

Нацистские концентрационные лагеря на оккупированной территории Советского Союза в целом и на Украине в частности были важнейшим элементом нацистского террора. В них содержались все основные категории населения, преследовавшиеся нацистами – евреи, военнопленные, партизаны, политические активисты и представители гражданского населения, недовольные нацистской политикой. Кроме того, и Яновский и Сырецкий концлагеря реализовывали две основные функции – эксплуатации и уничтожения заключенных, характерные для «классических» концлагерей Третьего рейха.

Администрация и охранный персонал данных концлагерей, как это ни парадоксально, имели много сходств в социальном происхождении и мотивах деятельности в концлагерях. Анализ биографий этих функционеров позволяет по аналогии с американским исследователем Кристофером Браунингом охарактеризовать их как «заурядных исполнителей» [41], которые, тем не менее, приняли активное участие в уничтожении десятков тысяч людей, оказавшихся в оккупации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прусин А. Украинская полиция и Холокост в генеральном округе Киев, 1941–1943: действия и мотивации // Голокост і сучасність. 2007. № 1. С. 31–59.
2. Ort K. The concentration camp personnel // Concentration camps in Nazi Germany: the new histories / ed. by J. Caplan, N. Wachsmann. L., N.Y. : Routledge, 2010. P. 44–57.
3. Orth K. Die Konzentrationslager – SS. Sozialstrukturelle Analysen und biographische Studien. München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH, 2004. 332 s.
4. Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München : Oldenbourg, 1997. 399 s.
5. Sandkühler T. Endlösung in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. Bonn, 1996. 592 s.
6. The Holocaust in the East: local perpetrators and Soviet responses / ed. M. David-Fox Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh Press, 2014. 265 p.
7. Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg (ZSL). AR-Z 294/59. Bd. 25.

8. Pagenstecher C. Arbeitserziehungslager // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager / Hrsg. W. Benz, B. Distel. München : Verlag C.H. Beck, 2005. Bd. 9. S. 75–99.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 148. Д. 92.
10. Yad Vashem Archive (YV). О. 68. File 117.
11. YV. О. 68. File 850.
12. YV. О. 68. File 847.
13. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 77.
14. YV. О. 62. File 97.
15. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 67. Д. 75.
16. YV. О. 62. File 143.
17. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 149. Д. 130.
18. ГАРФ. Оп. 116. Д. 83.
19. Ermittlungen gg. Radomsky wg. NS- und Kriegsverbrechen im Lager Haidari (Chaidari) bei Athen (Griechenland) // ZSL. AR 1.378/68.
20. Prusin A. A Community of Violence // Holocaust and Genocide Studies. 2007. Vol. 21, № 1. P. 1–30.
21. Протокол допроса Берлянта С.Б. // ГДА СБУ. Ф. 7. Оп. 8. Д. 1.
22. Протокол допроса обвиняемого Быстрова В.В. // ГДА СБУ. Ф. 5. Д. 46839.
23. Протокол допроса свидетеля З. Трубакова // ГДА СБУ. Ф. 7. Оп. 8. Д. 1.
24. ZSL. AR-Z 192/59.
25. Auerbach H. "Die Einheit Dirlwanger" // Vierteljahrshäfte fuer Zeitgeschichte. 1962. Vol. 10, № 3. S. 251–263.
26. Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2004. 549 p.
27. Фридман Ф. Убийство львовских евреев. URL: <https://web.archive.org/web/20101106061403/http://www.mankurty.com:80/fridru.html> (дата обращения: 29.01.2018).
28. United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol.1.
29. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 60. Case Skorochod M.M.
30. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 75. Case Zinov'ev A.P.
31. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 76. Case Kharchuk P.F.
32. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol. 2.
33. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol. 3.
34. USHMM. RG-31.018M. Reel 79. Case Magura O.S.
35. Bericht eines Wiener Juden, Name unbekannt // YV. О 33. S. 6.
36. Из протокола допроса в МГБ в качестве обвиняемого бывшего полицейского украинской полиции Н. Пацьоры, 25.09.1950. URL: <http://www.kby.kiev.ua/book1/documents/doc94.html> (дата обращения: 29.01.2018).
37. Berkhoff K. Hitler's Clean State. Everyday Life in the Reichskommissariat Ukraine, 1941–1944. A PhD Thesis : University of Toronto, 1998. 547 p.
38. Воспоминания советских граждан об уgone в немецкую неволю и о жизни на фашистской каторге (г. Киев) // ДАКО. Ф. Р – 4826. Оп. 1. Д. 531.
39. Аристов С. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М. : Молодая гвардия, 2017. 319 с.
40. Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. 282 с.
41. Browning C. Ordinary men: reserve police Battalion 101 and the final solution in Poland. N.Y. : Harper Collins, 1992. 231 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 апреля 2018 г.

ADMINISTRATION AND SECURITY PERSONNEL OF NAZI CONCENTRATION CAMPS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF UKRAINE: CRIMINAL ACTIVITY AND A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 108–113.

DOI: 10.17223/15617793/435/13

Stanislav V. Aristov, Moscow Power Engineering Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com

Keywords: Great Patriotic War; Nazism; occupation; Janowska Concentration Camp; Syrets Concentration Camp; Collaborationism.

The aim of the article is to analyze the activities, social composition and psychological motivation of the administrative and security personnel of the Nazi concentration camps in the occupied territory of Ukraine – the Janowska Concentration Camp in Lviv and Syrets in Kiev. The source base of the research is presented by materials from Russian and foreign archives: State Archive of the Russian Federation (Russia), Yad Vashem Archive (Israel), Archive of the Security Service (Ukraine), Holocaust Memorial Archive (USA). In particular, the testimonies of former prisoners, criminal cases against the administrative and security personnel of the concentration camps convicted in the postwar trials were analyzed. As a result of the research, the author has come to a conclusion that the chief figure in the administration of the concentration camps was the commandant. The official commandants of the concentration camp in Lviv were Gustav Willhaus and Friedrich Warzok. The commandant of the Syretsky Camp in Kiev was Paul Radomsky. All of them not only initiated crimes in the camps, but also took part in the murders. In the article, the author considers the security staff of the concentration camp in Janowska, which was represented by the Dirlwanger Division, as well as by several battalions of "Trawniki". The concentration camp in Kiev was guarded by representatives of the 23rd SD battalion. The author notes that the social portrait of the commandants and guards of the Janowska and Syrets concentration camps coincided with the similar characteristics of the functionaries of other concentration camps in the occupied territory of the Soviet Union. Commandants were middle-aged Nazis, with a low level of education, focused on the unquestioning execution of orders of higher management. The absolute majority of guards were similar to commandants in terms of age and social background. The article emphasizes that among the commandants, functionaries predominated, who tried to carry out orders without thinking about ethical problems. The permission for crimes obtained from the superior leaders allowed them to feel their impunity, or to present themselves completely innocent. The only thing they were worried about was their personal well-being, trying to get the maximum benefit from their position and considering their appointments in the camp hierarchy as promotion. The author comes to a conclusion that guards also used their position to advance their career in the Nazi hierarchy, or at least to improve their existence at the expense of others. The article emphasizes that guards, who received power for the first time in their life, who in fact had the sanction for unlimited terror, used it without thinking about the consequences. Even in cases where the leaders of the camps did not require the use of violence against prisoners, the collaborators showed their own initiative. Moreover, crimes committed within a group turned individual responsibility into a collective one.

REFERENCES

1. Prusin, A. (2007) Ukrainskaya politsiya i Kholokost v general'nom okruge Kiev, 1941–1943: deistviya i motivatsii [Ukrainian Police and the Holocaust in the General District of Kiev, 1941–1943: Actions and Motivations]. *Golokost i suchasnist'*. 1. pp. 31–59.
2. Orth, K. (2010) The concentration camp personnel. In: Caplan, J. & Wachsmann, L. (eds) *Concentration camps in Nazi Germany: the new histories*. N.Y.: Routledge.
3. Orth, K. (2004) *Die Konzentrationslager – SS. Sozialstrukturelle Analysen und biographische Studien* [The concentration camps – SS. Social structural analysis and biographical studies]. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH.
4. Pohl, D. (1997) *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens* [National Socialist Persecution of the Jews in Eastern Galicia 1941–1944: Organization and Execution of a State Mass Crime]. Munich: Oldenbourg.
5. Sandkühler, T. (1996) *Endlösung in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944* [Final Solution in Galicia. The murder of Jews in Eastern Poland and the rescue initiatives of Berthold Beitz 1941–1944]. Bonn: J.H.W. Dietz.
6. David-Fox, M. (ed.) (2014) *The Holocaust in the East: local perpetrators and Soviet responses*. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press.
7. Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg [Central Office of the State Justice Administrations in Ludwigsburg] (ZSL). AR-Z 294/59. Bd. 25.
8. Pagenstecher, C. (2005) Arbeitserziehungslager [Labor education camp]. In: W. Benz, W. & Distel, B. (eds) *Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager* [The Place of Terror. History of Nazi concentration camps]. Vol. 9. Munich: Verlag C.H. Beck.
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7021. List 148. File 92. (In Russian).
10. Yad Vashem Archive (YV). O. 68. File 117.
11. Yad Vashem Archive (YV). O. 68. File 850.
12. Yad Vashem Archive (YV). O. 68. File 847.
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7021. List 67. File 77. (In Russian).
14. Yad Vashem Archive (YV). O. 62. File 97.
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7021. List 67. File 75. (In Russian).
16. Yad Vashem Archive (YV). O. 62. File 143.
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7021. List 149. File 130. (In Russian).
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). List 116. File 83. (In Russian).
19. ZSL. AR 1.378/68. *Ermittlungen gg. Radomsky wg. NS- und Kriegsverbrechen im Lager Haidari (Chaidari) bei Athen (Griechenland)*. (In German).
20. Prusin, A. (2007) A Community of Violence. *Holocaust and Genocide Studies*. 21(1). pp. 1–30. DOI: 10.1093/hgs/dcm001
21. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine (GDA SBU). Fund 7. List 8. File 1. *Protokol doprosa Berlyanta S.B.* [Record of interrogation of S.B. Berlyant].
22. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine (GDA SBU). Fund 5. File 46839. *Protokol doprosa obvinyaemogo Bystrova V.V.* [Protocol of interrogation of the accused V.V. Bystrov].
23. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine (GDA SBU). Fund 7. List 8. File 1. *Protokol doprosa svidetelya Z. Trubakova* [Protocol of interrogation of the witness Z. Trubakov].
24. ZSL. AR-Z 192/59. *Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg* [Central Office of the State Justice Administrations in Ludwigsburg].
25. Auerbach, H. (1962) “Die Einheit Dirlwanger” [“The unit Dirlwanger”]. *Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte*. 10(3). pp. 251–263.
26. Langbein, H. (2004) *People in Auschwitz*. The University of North Carolina Press.
27. Friedman, F. (1945) *Ubiystvo l'vovskikh evreev* [Murder of Lviv Jews]. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20101106061403/http://www.mankurty.com:80/fridru.html>. (Accessed: 29.01.2018).
28. United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol.1.
29. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 60. Case Skorochod M.M.
30. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 75. Case Zinov'ev A.R.
31. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 76. Case Kharchuk P.F.
32. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol. 2.
33. USHMM. RG. - 31.018M. Reel 73. Case Kirelaha A.P. Vol. 3.
34. USHMM. RG-31.018M. Reel 79. Case Magura O.S.
35. Yad Vashem Archive (YV). O 33. pp. 6. *Bericht eines Wiener Juden, Name unbekannt* [Report of a Viennese Jew, name unknown].
36. Kby.kiev.ua. (1950) *Iz protokola doprosa v MGB v kachestve obvinyaemogo byvshego politseyskogo ukrainskoy politzii N. Pats'ory, 25.09.1950* [From the interrogation report of the former Ukrainian police officer N. Patzory as the accused. Ministry of State Security. September 25, 1950]. [Online] Available from: <http://www.kby.kiev.ua/book1/documents/doc94.html>. (Accessed: 29.01.2018).
37. Berkhoff, K. (1998) *Hitler's Clean State. Everyday Life in the Reichskommissariat Ukraine, 1941–1944*. A PhD Thesis: University of Toronto.
38. State Archive of Kiev Oblast (DAKO). Fund R – 4826. List 1. File 531. *Vospominaniya sovetskikh grazhdan ob ugone v nemetskuyu nevolyu i o zhizni na fashistskoy katorge (g. Kiev)* [Memories of Soviet citizens about being held in German captivity and about living in fascist penal servitude (Kiev)].
39. Aristov, S. (2017) *Povsednevnyaya zhizn' natsistskikh kontsentratsionnykh lagerey* [Everyday life of Nazi concentration camps]. Moscow: Molodaya gvardiya.
40. Milgrem, C. (2016) *Podchinenie avtoritetu: nauchnyy vzglyad na vlast' i moral'* [Submission to authority: a scientific view on power and morality]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
41. Browning, C. (1992) *Ordinary men: reserve police Battalion 101 and the final solution in Poland*. N.Y.: Harper Collins.

Received: 09 April 2018